

Исцеление Ильи М<уромца>, встреча его со Святогором и смерть последнего

А во том было во городи во Муроме,
А да во том было сели было Карачарови —
А ишше жил тут хресьянин да чернопахатной,
А по имени Иван да Тимофеевиць.
А у ёго-то ведь было едно дїтя милоё,
Ише милоё дитя было любимое,
А любимое дитя было уродливо:
А сидит тут Илья седуном же тут,
А не много, не мало — да тритцэтъ лет.
А ише тут где Иван да Тимофеевиць
А пошол-де на роботоцьку на цяжолую,
На робо[то]цьку тяжолу да хресьяньскую,
А ишше набрал всё мужичков да ровно триццэтъ их
А да розделывать но[а]винку да цёрнопахатну.
А да сидел как тут Илья един в дому же тут —
А приходили где калики да перехожие,
Говорили где ёму они таковы слова:
«Уж ты ой еси, Илья да ноньце Муромец!
А да ставай-ко-се, Илья, ты да на резвы ноги,
Принеси ты ведь нам да пива пьяного:
А да с дороги мы, калики, да ноньце пить хотим!»
А говорыл где Илья да сын Ивановиць:
«А не могу где стать да на резвы ноги,
А не могу я вам да ноньце пить подать:
А лежу я как нонь да ровно триццэтъ лет»
А калики тут ёму да говорят же нонь:
«А ставай-ко ты, Илья, — нас не омманывай!»
Ише стал где Илья тут да на резвы ноги,
Ише брал где братыню да всё серебрянну,
Нацедил где пошол он да пива пьяного —
Подавал где каликам да перехожием.
А калики от ёво пива не прымают нонь:
«А уж ты ой еси, Илья да сын Ивановиць!

Уж ты выпей-ко братыню да пива пьяного!»
А ён выпил где нонь да пива пьяного —
А оцудилась в ём как силы тут порядосьнё.
Говорят калики да во второй након:
«Уж ты ой еси, Илья да сын Ивановиц!
Принеси ты нам пива да ноньце пьяного!»
Ишше тут где Илья да сын Ивановиц
Нацедил где-ка пива да он во второй тут раз,
Подавал где каликам да перехожаем.
А калики-ти говорят да таковы слова:
«Ише выпей-ко, Илья, да во второй тут раз!»
Ише выпил Илья да во второй тут раз —
А говорят ему да таковы слова:
«А каков ты, Илья да сын Ивановиц?
А ише много ле в себе да силы цювствуёшь?»
А говорил где Илья да сын Ивановиц:
«Ишше силы-то во мне тепере порядосьнё:
Ишше мог я бы ехать да во цисто полё,
А ишше мог я бы смотреть а людей добрые,
А ишше мог я бы стоять за веру правас[лав]ную,
А за те же за церкви да я за Божьи нонь,
А за те за поцёстные монастыри,
А за тех я за вдов за благоверных,
А за ту сироту я да маломожонну —
А ише нету у мня да нонь добра коня!»
А говорят-де калики да перехожие:
«А да поди-тко ты, Илья, по у[т]ру по ранному —
А ише встретишь в поли нонь одного хресьянина:
А да ведёт он ведь коницька-селетоцька.
А ты купи-тко за деньги, за золоту казну,
А да корми ёго пшаницой да белояровой,
А ишше пой ёго ведь нонь да клюцёвой водой,
А води-тко ты на росы холодные,
А давай-ко по росам ёму кататисе.
А через тын железной да перехаживай —
А жеребчик у тя будёт да перескакивать:
Ишше будёт тебе конь — да лошадь добрая,
Ишше добра-де лошадь да богатырьская,
А да копьё будёт тебе неизменноё,

А слуга тебе будёт да конь тут верная!
А да поедёшь ты, Илья, да во цисто полё —
А ише смерть-та тебе, Илья, не писана!
А да дерись, ты борись хошь с каким богатырём,
А не съежжайсе-ко ты с Самсоном тут,
А Самсоном тут, Святогором же:
А ише тех богатырей нонь земля не несёт,
А ише ездят нонь они как по шшелейкам!»
Ише тут где калики да потерялисе...
Да пошол где Илья да из двора тут вон —
А пошол где Илья да к своему оцьцю
А на ту же на работочку на хресьяньскую,
Ише где его отець да тут работаёт.
А увидал где-ка Иван да Тимофеевиць —
А ишше оци-ти ясны да пригледелисе,
А ишше белы-ти руки примахалисе,
А ише резвы-ти ноги да приходилисе,
А ретиво тут серьцё стрепёскалосе.
А говорил-де Иван да Тимофеевич:
«А уж ты ой еси, Спас да Многомилосливой,
Присвята ты Божья да Богородиця!
А уж вы ой, угодники все Христовы нонь!»
А говорил-де-ка Иван тут да Тимофеевич:
«А уж ты ой еси, моё дитя сердесьнёё,
А по имени Илья да сын Ивановиць!
А помиловал тибя да Спас Прецистой тут,
Пресвята тибя да Божья Богородиця, —
А попал ты, Илья, да на резвы ноги!»
А да пришол где Илья да к своему оцьцю,
А говорил где Илья да сын Ивановиць:
«Уж ты мой еси батюшко, мой родимой тут!
А да поди-ко домой нонь пообедай же!»
А оставалса тут на навинки да цёрнопахатной
А робить роботку да всё хресьяньскую,
А цистил поляну да цёр[но]пахатну.
А приходил где-ка тут Иван Тимофеевиць
А на ту на работочку на хресьяньскую,
А пошол где Илья да к своему двору.
А выходил где Илья да во цисто полё —

А идёт мужицёк тут деревеньшина,
А ведёт за собой ноньце селетоцька.
А купил где Илья тут всё селетоцька.
А говорил где-ка Иван тут Тимофеевич:
«Уж ты ой еси, Илья да сын Иванович!
А да поедёшь ты, Илья, да во цисто полё —
А пожалей-ко ты на поли хрисьянина,
А не шшади-ка в поли всё тотарина!»
А ишше тут-де Илья да сын Ивановиць
Ишше стал тут просить благословленьицё:
Да не бела тут берёзонька к земли приклоняицьсе —
А Илья-та оцьцю своёму покоряицьсе.
А говорил ёму Иван да всё Тимофеевич:
«Да поедёшь, Илья, да во цисто полё —
А стой ты за веру православную,
А за те за поцётные монастыри,
А за тех за вдов за благоверные,
А за ту сироту да маломожонну!»
А-й да не видели: Илеюша срежаицьсе;
А не видели: Илья да сподобляицьсэ;
А не видели: Илейка как на коня скоцил;
Только видели: Илеюша в стремяна ступил.
А не видели поезки богатырьскою,
Только видели; и в поли и курева стоит,
Курёва-та стоит — да дым столбом валит.
А ишше ехал Илеюшка по крутым горам,
По крутым-де горам да по святым местам —
А наехал тут богатыря пресильнёго,
А по имени сказать, да по извотцины,
А-й ёго именём зовут да Святогор же тут.
А они ехали по щелейки крутой же тут
Да наехали тут диво да нонь предивноё,
А наехали они цюдо прецюдноё:
А да стоят где-ка тут два добрых молоцца
А строят домовищо да нонь превечноё.
А спросил где-ка тут да Святогор-богатырь:
«Уж вы ой, удалы добры молоцци!
А цего это вы ноньце строите?»
А говорят-де удалы да добры молоцци:

«Уж сильный-могущий нонь богатырь же!
А мы строим тебе нонь домовищо тут —
А соскакивай-ко ты со добра коня,
А вались ты в домовищо нонь превечноё!»
А ишше тут же богатырь нонь могучей же
Соскочил где-ка он со добра коня,
Увалилсэ в домовищо да нонь превечноё.
А наложили они кровлю дубовую.
А те — не дородни добры молоцци,
А были андила да всё Восподьни тут:
А улетели они сами невидимо.
А говорил где-ка тут Святогор-богатырь:
«А уж ты ой еси, Илья да сын Иванович!
А бери-тко ты палицю железную,
А уж ты бей-ко в конец да домовищо нонь!»
А да ударил-де Илья в конец в домовищо нонь —
А наскоцил где-ка тут обруць железной ведь.
А говорил где-ка тут да Святогор-богатырь:
«А бей-ко, Илья, да во второй конец!»
А как ударил Илья да во второй конец —
Наскоцил где-ка тут как нонь второй обруць.
А говорил где ишше тут Святогор-богатырь:
«А не жалей-ко, Илья, силы могучее,
А да ударь-ко покрепьце да нонь в серёдоцьку!»
А наскоцил где-ка тут да нонь третьей обруць —
А говорил где-ка тут, тут как Святогор-богатырь:
«А верно, мне-ка, молоццу, тут ведь Бог судил!»
Говорил он Ильи да ноньце Муромьцю:
«Уж ты ой, Илья да ноньце Муромець!
А пойдёт из меня сила могуця нонь:
А перва пойдё — дак ты стой ведь тут,
А втора где пойдё — дак ты ведь тоже стой,
А ишше третья пойдёт, — дак ты измойсе тут,
А измойсе-ко ты да искупайсе-тко!»
А да стоял где Илья тут сын Иванович —
А перва пошла сила могуцяя.
А втора-де пошла сила могуца тут —
А тут где Илья да нонь не выстоял,
Приказанью нонь Илья да нонь не выслушал:

А да измылсе тут Илья, да искупалсэ он.
А сделалась в ём сила необъятна тут,
А да девацьсе ёму стало тут ведь некуда —
А ише рвал он тут пеня, да всё как дубьё он!

(Зап. А. Д. Григорьевым 23 июля 1901 г.: д. Печище — от слепца Рассолова Ермолая Васильевича, 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.